Сакович Е.Г. Англо-американская итсориография «Кубинского ракетного кризиса» / Е.Г Сакович // Российские и славянские исследования : науч. сб. Вып. 7 / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск : БГУ, 2012. С. 275-279.

Е. Г. Сакович

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ «КУБИНСКОГО РАКЕТНОГО КРИЗИСА»

Изучение октябрьских событий 1962 г. на Кубе, получивших в академических кругах англо-американских исследователей название «кубинский ракетный кризис», проходило в нескольких измерениях. Специалистов интересовал круг вопросов, связанных с выявлением причин начала инцидента и анализом инициатив СССР и США, направленных на его урегулирование. Теоретические основы исследования конфликта были заложены в середине 1960-х гг., когда ученые при рассмотрении проблематики начали активно обращаться к междисциплинарному подходу, позволяющему использовать методы социологических и политологических наук [13, p. 5].

Взгляды представителей традиционалистского, ревизионистского и структуралистского направлений проанализировал В. Мидленд в опубликованной в 1988 г. работе «Кубинский ракетный кризис: бесполезный или необходимый». Ученый, подводя итог многолетнему изучению проблематики в период с середины 1960-х гг. и вплоть до конца 1980-х гг., подчеркивал, что представители традиционализма и ревизионизма акцентировали внимание преимущественно на освещении инициатив Дж. Кеннеди во время кризиса, в то время как сторонники структурализма рассматривали механизм обсуждения и реализации внешнеполитических решений в среде советского руководства [13, p. 112, 200]. С точки зрения ученого, традиционалисты, представленные членами администрации Дж. Кеннеди (Т. Соренсен, А. Шлезингер), сходились во мнении в том, что президент действовал взвешенно и решительно [13, p. 33]. В отличие от традиционалистов, сторонники правого ревизионизма, представленные историками (Д. Ловенталь, Т. Лейн), и левого ревизионизма, к которым В. Мидленд относил журналистов и политологов (Р. Хэган, Д. Горовиц), рассматривали инициативы Дж. Кеннеди как непоследовательные и противоречивые [13, p. 61, 97]. И, наконец, структуралисты, к которым ученый причислял историков (Г. Динерстейн, М. Раш), занимались выяснением целей советской стороны во время конфликта и выявлением особенностей реализации внешнеполитических решений в СССР [13, p.201].

Изучение причин «кубинского ракетного кризиса» в англо-американской историографии. Проблема, связанная с поиском причин, приведших к началу конфронтации СССР и США в 1962 г., являлась центральной темой англо-американской историографии «кубинского ракетного кризиса». Большинство ученых при выяснении его истоков сконцентрировали внимание на освещении советских мотивов в размещении ракет на Кубе, так как в западной историографии утвердилась точка зрения об ответственности СССР в начале и эскалации конфликта [5, p. 3]. На взгляд С. Эльсопа и Ч. Бартлетта, СССР в октябре 1962 г. стремился «расставить ловушки для США на Кубе, рассчитывая на эффект неожиданности» [1, p. 17]. Рассматривая проблему в исторической перспективе, авторы полагали, что завершение кризиса по советскому сценарию означало бы перераспределение стратегического баланса между США и СССР [1, p. 17]. Некоторые исследователи, задаваясь вопросом, почему стало возможным размещение советских ракет на Кубе, предпочитали искать ответ в анализе динамики отношений СССР и стран социализма. Р. Гильсман, рассматривая развитие советско-китайских связей периода 1956—1962 гг., утверждал, что холодная война внутри социа-

Сакович Екатерина Георгиевна — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета

листического блока вызвала острую фазу противостояния СССР и США в октябре 1962 г. [8, p. 246].

Обращение к анализу отношений внутри социалистического лагеря при выявлении истоков конфликта представлялось задачей первостепенной важности для профессора Гарвардского университета А. Улама. В опубликованной в 1968 г. работе «Экспансия и сосуществование: история советской внешней политики: 1917—1968» автор рассматривал октябрьский инцидент на Кубе в контексте германской и китайской политики СССР [21]. В отличие от Р. Гильсмана, А. Улам полагал, что к началу 1962 г. в отношениях СССР и КНР наметилась положительная тенденция, которая проявилась во временном прекращении идеологических разногласий и заключении нового торгового договора [21, p. 663]. На взгляд исследователя, к 1962 г. немедленного разрешения требовал только «берлинский вопрос», и Н. С. Хрущев понимал, что заставить Запад принять советские предложения о предоставлении Западному Берлину статуса «вольного города» можно только силовым путем [21, p. 664—665]. Аналогичное видение проблематики предложил Дж. Шайк, который признавал, что советский лидер, разместив ракеты на Кубе, в действительности преследовал цель стимулировать американское руководство к изменению позиций в германском направлении. Советский лидер надеялся, что США, находясь «под оружием», будут вынуждены пойти на еще один раунд переговоров по Западному Берлину [16, p. 210].

Интересную точку зрения относительно выявления мотивов СССР предложил Т. Соренсен в опубликованном в 1965 г. исследовании «Кеннеди». Согласно утверждению ученого, президент США считал, что СССР преследовал пять основных целей: 1) проследить реакцию США в условиях холодной войны, 2) отвлечь внимание США от Западного Берлина, 3) защитить Кубу, 4) решить проблему Западного Берлина в обмен на вывод воинского контингента США из Турции, 5) изменить ядерный баланс между СССР и США [19, p. 400]. Соглашаясь по многим позициям с Т. Соренсеном, Г. Кэган и А. Лонг в статье «Кубинский ракетный кризис: изучение стратегического контекста», опубликованной в 1972 г. в журнале «Политическая наука», утверждали, что СССР посредством создания прецедента на Кубе, во-первых, стремился достичь решения «берлинского вопроса» на советских условиях, во-вторых, продемонстрировать возможности советских вооруженных сил, и, в-третьих, предотвратить вторжение США на территорию Кубы [10, p. 561].

На взгляд британского исследователя Л. В. Скотта, размещение ракет на Кубе явилось результатом личной инициативы Н. С. Хрущева, поддержанной А. И. Микояном. Ученый полагал, что советский лидер, спровоцировав конфликт, надеялся укрепить позиции и повысить свой авторитет в мировом коммунистическом движении [18, p. 117].

Альтернативную точку зрения на проблематику предложил профессор университета Дж. Хопкинса Г. Динерстейн. Автор утверждал, что и Н. С. Хрущев, и Дж. Кеннеди в равной степени ответственны за то, что создали угрозу ядерной войны [6, p. 67]. Ракетный кризис 1962 г. ученый рассматривал как эпизод холодной войны, в котором советский и американский лидеры балансировали на грани, ожидая, кто уступит первым [6, p.110].

Изучение инициатив СССР и США по урегулированию «кубинского ракетного кризиса». Наиболее пристальное внимание западных исследователей привлек вопрос, связанный с рассмотрением инициатив СССР и США накануне и во время кризиса. Р. Гэртхофф, анализируя воспоминания Н. С. Хрущева, утверждал, что размещение ракет на Кубе СССР запланировал весной 1962 г., однако ухудшение советско-кубинских отношений и затянувшееся обсуждение вопроса в среде советского руководства привели к тому, что окончательное решение было принято только в октябре [7, p. 45]. По мнению же Г. Динерстейна, инцидент на Кубе весной 1962 г. не состоялся по причине «несговорчивости» Ф. Кастро. Ученый считал, что взаимоотношения двух государств к началу 1962 г. зашли в тупик, и Н. С. Хрущев заявил, что Куба в состоянии своими силами отразить возможную атаку США [6, p. 114]. К вопросу о

необходимости размещения ракет в районе Карибского бассейна советское и кубинское руководство обратились только в июле 1962 г. во время визита в Москву министра обороны Кубы Р. Кастро [6, p. 119].

Точку зрения Г. Динерстейна разделили современный российский исследователь А. Фурсенко и канадский Т. Нафтали, которые в совместной работе отмечали, что осложнение взаимоотношений СССР и Кубы вызвало у Н. С. Хрущева негативную реакцию по отношению к Ф. Кастро [23, с. 46]. Авторы сошлись во мнении в том, что первоначальный отказ кубинского лидера отправить Рауля в Москву в июле 1962 г. являлся признаком того, что он не был твердо уверен в советской помощи. Более того, в распоряжении Кремля имелась информация, что просоветски настроенный Р. Кастро склонялся к обращению к Китаю по поводу поставки оружия национально-освободительному движению [23, с. 46]. Исследователи подчеркивали, что политическая игра велась не в пользу СССР, так как «Фидель в отличие от Рауля был революционером, а не коммунистом, а значит, еще менее склонен руководствоваться указаниями Москвы. Угроза вероятного идеологического вызова со стороны Китая омрачала отношения с Кубой и напоминала Хрущеву, что он остается один на один со своим главным противником — США» [23, с. 47]. Анализируя политические инициативы советского лидера, А. Фурсенко и Т. Нафтали полагали, что Н. С. Хрущев в первые дни кризиса был растерян и признавал, что в политике СССР на Кубе были допущены серьезные просчеты: во-первых, были развернуты не все ракеты и, во-вторых, не был обнародован советско-кубинский оборонный договор, который Ф. Кастро предлагал опубликовать еще в конце августа 1962 г. [23, с. 50].

Чикагские исследователи А. Горлик и М. Раш, останавливаясь на проблеме рассмотрения эволюции взглядов Н. С. Хрущева, однозначно заявляли, что он с первых дней кризиса и вплоть до его окончания стремился урегулировать конфликт дипломатическими методами. Его цель на Кубе состояла не в том, чтобы начать ядерное столкновение и продемонстрировать возможности советских вооруженных сил, а в том, чтобы убедить Дж. Кеннеди создать зону мира в Карибском бассейне путем переговоров [9, p. 58]. Авторы полагали, что склонность Н. С. Хрущева к «наведению мостов» с США во время инцидента 1962 г. может быть объяснима в том числе личными симпатиями к президенту [9, p. 58]. А. Горлик и М. Раш считали, что Н. С. Хрущев воспринимал Дж. Кеннеди как полную противоположность Р. Никсона и Д. Эйзенхауэра и надеялся на его победу на выборах в 1960 г. [9, p. 58].

В высшей степени дискуссионным в академических кругах являлся вопрос, связанный с рассмотрением инициатив президента США по урегулированию кризиса. В анализе проблематики мнения ученых расходились значительно: одни полагали, что действовал он уверенно и решительно, другие отводили ему пассивную роль и считали, что беспокоился он только о сохранении политического авторитета [13, p. 101]. Автором, симпатизировавшим Дж. Кеннеди, являлся А. Шлезингер. В исследовании, опубликованном в 1965 г. («Тысяча дней»), посвященном биографии американского лидера, ученый затрагивал различные аспекты инцидента 1962 г. Заслугу президента во время противостояния СССР и США на Кубе автор видел в том, что, во-первых, в отличие от советского лидера, он использовал исключительно дипломатические методы разрешения конфликта, во-вторых, заставил Н. С. Хрущева пересмотреть систему взаимоотношений Востока и Запада и, в-третьих, предоставил «гибкий ответ» на «устрашающий» вызов со стороны СССР [17, p. 186—187].

Положительный взгляд на дипломатию американского лидера представили Р. Гильсман, В. Ростоу и М. Уайт. Ученые сходились во мнении в том, что президент не спешил отвечать на октябрьскую провокацию СССР на Кубе такими же методами, а действовал взвешенно и решительно [8, p. 240; 15, p. 310; 22, p. 280]. Авторы подчеркивали, что он не допускал стратегических ошибок и с политической прозорливостью пытался просчитать предполагаемые действия советской стороны [8, p. 240; 15, p. 310; 22, p. 280].

На исключительную роль Дж. Кеннеди во время кризиса указывал и профессор Гарвардского университета Р. Ньюстэд. В отличие от большинства коллег, ученый считал, что президент использовал силовые методы разрешения конфликта, чтобы убедить СССР в том, что США намерены решить проблему Западного Берлина на своих условиях [14, p. 721]. Диаметрально противоположной точки зрения придерживался Д. Ловенталь. В статье «Политика США на Кубе: иллюзия и действительность», опубликованной в 1963 г. в журнале «Национальное обозрение», автор утверждал, что предложения американского лидера по сближению с СССР в октябре 1962 г. были продиктованы непосредственной необходимостью устранения угрозы начала ядерной войны и имели кратковременный характер. Конфронтацию двух государств и борьбу за сферы влияния США рассматривали как приоритетное направление даже после завершения кубинского инцидента [12, p. 63—64].

Т. Лейн и П. Бетель полагали, что компромисс мог быть достигнут в первые дни кризиса, однако по причине отсутствия у президента политического опыта ведения переговоров конфликт был улажен только в начале ноября [11, p. 400; 3, p. 56—57]. Г. Клинч и Б. Бернштейн однозначно утверждали, что Н. С. Хрущев посредством размещения ракет на Кубе, в отличие от Дж. Кеннеди, стремившегося начать ядерное столкновение, в действительности преследовал цель защитить территорию Кубы от вторжения США [4, p. 310; 2, p. 110]. Авторы сходились во мнении в том, что именно советский лидер в ходе длительных переговоров заставил президента отказаться от первоначальной идеи ядерной войны и предложил решить вопрос мирными методами [4, p. 310; 2, p. 110].

Интересную точку зрения на проблематику предложил Р. Стил в статье «Конец игры», опубликованной в 1969 г. в журнале «Нью-Йоркское книжное обозрение». На его взгляд, Дж. Кеннеди, с одной стороны, активно проводил мысль об ответственности СССР в начале и эскалации конфликта, а с другой — высоко оценивал инициативы Н. С. Хрущева, направленные на его урегулирование [20, p. 16].

Изучение англо-американскими исследователями «кубинского ракетного кризиса» имело несколько основных срезов. Вопрос поиска методологических основ рассмотрения проблематики, выявления причин начала конфликта, а также варианты его разрешения советской и американской сторонами находились в центре внимания западных ученых. За несколько десятков лет изучения вопроса западные авторы не только проанализировали работы, касающиеся кубинского кризиса, но и очертили перспективные направления дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Alsop, S.* In Time of Crisis / S. Alsop, Ch. Barlett // Saturday Evening Post. December 8. 1962. P. 16—21.

2. *Bernstein, B.* The Cuban Missile Crisis / B. Bernstein // Reflections on the Cold War: A Quarter Century of American Foreign Policy. Eds. By L. Miller, R. Pruessen. Philadelphia : Temple University Press, 1974. P. 108—142.

3. *Bethel, P.* The Losers: The Definitive Report, be an Eyewitness, of the Communist Conquest of Cuba and the Soviet Penetration in Latin America / P. Bethel. New Rochelle, N. Y. : Arlington House, 1969. 101 p.

4. *Clinch, N.* The Kennedy Neurosis / N. Clinch. N. Y. : Grosset and Dunlap, 1973. 325 p.

5. The Cuban Missile Crisis. Edited with Commentary by *Divine R.* / R. Divine. Chicago : Quadrangle Books, 1971. 248 p.

6. *Dinerstein, H.* The Making of a Missile Crisis. October 1962 / H. Dinerstein. Baltimore and London : The Johns Hopkins University Press, 1976. 302 p

7. *Garthoff, R.* Reflections on the Cuban Missile Crisis / R. Garthoff. Washington : The Brooking Institution, 1987. 159 p.

8. *Hilsman, R.* An Exchange of Views / R. Hilsman, R. Steel // The Cuban Missile Crisis. Edited with Commentary by R. Divine. Chicago : Quadrangle Books, 1971. P. 234—247.

9. *Horelick, A.* Strategic Power and Soviet Foreign Policy / A. Horelick, M. Rush. Chicago and London : The University of Chicago Press, 1965. 225 p.

10. *Kahan, J.* The Cuban Missile Crisis: the Study of Its Strategic Context / J. Kahan, A. Long // Political Science Quarterly. № 87. December 1872. P. 559—589.

11. *Lane, T.* The Leadership of President Kennedy / T. Lane. Cadwell, Idaho : the Caxton Printers, 1964. 489 p.

12. *Lowenthal, D.* U. S. Cuban Policy: Illusion and Reality / D. Lowenthal // National Review. 29 January. 1963. P. 49—70.

13. *Meadland, V.* The Cuban Missile Crisis. Essential or Needless / V. Midland. Washington : The Brooking Institution, 1988. 321 p.

14. *Neustadt, R.* Presidential Power: the Politics of Leadership / R. Neustadt. N. Y. : Afterword: JFK, 1968. 800 p.

15. *Rostow W.* The Diffusion of Power: An Essay in Recent History / W. Rostow. N. Y.: Macmillan, 1972. 400 p.

16. *Schick, M.*. The Berlin Crisis 1958—1962 / M. Schick. Philadelphia : University of Pennsylvania Press, 1971. 266 p.

17. *Schlesinger, A.* A Thousand Days: John F. Kennedy in the White House / A. Schlesinger. Boston : Houghton Miffin, 1965. 398 p.

18. *Scott, L.* Macmillan, Kennedy and the Cuban Missile Crisis. Political/ Military and Intelligence Aspects / L. Scott. London : Cambridge University Press, 1999. 294 p.

19. *Sorensen, T.* Kennedy / T. Sorensen. N. Y. : Harper and Row, 1965. 465 p.

20. *Steel, R.* Endgame / R. Steel // The New York Review of Books. March 13. 1969. P. 15—22.

21. *Ulam, A.* Expansion and Coexistence. The History of Soviet Foreign Policy. 1917—1967 / A. Ulam. N. Y., Washington : Frederik A. Praeger, 1968. 775 p.

22. *White, M.* The Cuban Missile Crisis / M. White. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Published by Macmillan Press LTD, 1996. 291 p.

23. *Фурсенко, А.* Адская игра. Секретная история Карибского кризиса / А. Фурсенко, Т. Нафтали. М. : Гея Интэрум, 556 с.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается эволюция взглядов англо-американских исследователей на проблему восприятия «кубинского ракетного кризиса» Первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым и президентом США Дж. Кеннеди. Проанализированы основные закономерности смены историографических парадигм и освещены теоретические основы изучения проблематики.

SUMMARY

The attitude of Anglo-American Researches to foreign policy implemented by N. S. Khrushchev and J. Kennedy is viewed in the article. The author singles out conceptual historiographic approaches to the evaluation of the events which took place during the Cuban Missile Crisis.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2011 г.